

## XII

## [Флорентийскому другу]

Внимательно изучив Ваши письма, встреченные мною и с подобающим почтением, и с чувством признательности, я с благодарностью душевной понял, как заботитесь Вы и печетесь о моем возвращении на родину. И я почувствовал себя обязанным Вам настолько, насколько редко случается изгнанникам найти друзей. Однако, если ответ мой на Ваши письма окажется не таким, каким его желало бы видеть малодушие некоторых людей, любезно прошу Вас тщательно его обдумать и внимательно изучить, прежде чем составить о нем окончательное суждение.

Благодаря письмам Вашего и моего племянника и многих друзей вот что дошло до меня в связи с недавно вышедшим во Флоренции декретом о прощении изгнанников: я мог бы быть прощен и хоть сейчас вернуться на родину, если бы пожелал уплатить некоторую сумму денег и согласился подвергнуться позорной церемонии. По правде говоря, отче, и то и другое смехотворно и недостаточно продумано; я хочу сказать, недостаточно продумано теми, кто сообщил мне об этом, тогда как Ваши письма, составленные более осторожно и осмотрительно, не содержали ничего подобного.

Таковы, выходит, милостивые условия, на которых Данте Алигьери приглашают вернуться на родину, после того как он почти добрых три пятилетия промаялся в изгнании? Выходит, этого заслужил тот, чья невиновность очевидна всему миру? Это ли награда за усердие и непрерывные усилия, приложенные им к наукам? Да не испытает сердце человека, породнившегося с философией, столь противного разуму унижения, чтобы по примеру Чоло и других гнусных злодеев пойти на искупление позором, как будто он какой-нибудь преступник! Да не будет того, чтобы человек, ратующий за справедливость, испытал на себе зло, платил дань как людям достойным тем, кто свершил над ним беззаконие!

Нет, отче, это не путь к возвращению на родину. Но если сначала Вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если не один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит, во Флоренцию я не войду никогда! Что делать? Разве не смогу я в любом другом месте наслаждаться созерцанием солнца и звезд? Разве я не смогу под любым небом размышлять над сладчайшими истинами, если сначала не вернусь во Флоренцию, униженный, более того, обесчещенный в глазах моих сограждан? И конечно, я не останусь без куска хлеба!

## XIII К Кангранде делла Скала

Благородному и победоносному господину, господину Кангранде делла Скала, заместителю священной власти кесаря в граде Вероне и в городе Виченца, – преданнейший ему Данте Алигьери, флорентиец родом, но не нравами, желает долгих лет счастливой жизни, а имени его – постоянного преумножения славы.

Воздаваемая Вашему великолепию хвала, которую неустанно распространяет летучая молва, порождает в людях настолько различные мнения, что в одних она вселяет надежду на лучшее будущее, других повергает в ужас, заставляя думать, что им грозит уничтожение. Естественно, подобную хвалу, что превышает любую иную, венчающую какое бы то ни было деяние современников, я находил подчас преувеличенной и не соответствующей истинному положению вещей. Но дабы излишне длительные сомнения не удерживали меня в неведении, я, подобно тому как царица Савская искала Иерусалим, а Паллада – Геликон, я искал и обрел Верону, желая собственными глазами взглянуть на то, что я знал понаслышке. И там я стал свидетелем Вашего величия; я стал также свидетелем благодеяний и испытал их на себе; и как дотоле я подозревал преувеличенность в разговорах, так узнал я впоследствии, что деяния Ваши заслуживают более высокой оценки, чем дастся им в этих разговорах. Поэтому если в результате единственно слышанного мною я был, испытывая в душе некоторую робость, расположен к Вам прежде, то, едва увидев Вас, я сделался преданнейшим Вашим другом.

Я не считаю, что, назвавшись Вашим другом, рискую навлечь на себя, как решили бы некоторые, обвинения в самонадеянности, ибо священные узы дружбы связывают не столько лю-